

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К 21

Оформление *Б. Б. Протопопова*

Кара-Мурза С. Г.

К 21 Гражданская война в России / Сергей Кара-Мурза. — М. : Алгоритм, 2014. — 320 с. — (Узлы российской истории).

ISBN 978-5-4438-0731-7

Сергей Георгиевич Кара-Мурза, известный российский историк и публицист, в своих книгах затрагивает самые сложные и болевые периоды нашего прошлого. Произведения С.Г. Кара-Мурзы отличаются большим количеством разнообразного фактического материала и глубоким его анализом.

В книге, представленной вашему вниманию, автор пишет о Гражданской войне в России (1918—1921). По общему мнению исследователей, она стала для российского государства катастрофой, которая предопределила многие стороны нашей жизни в XX веке. Но в связи с этим возникают вопросы, на которые С.Г. Кара-Мурза пытается ответить в своей книге: в какой мере на начало Гражданской войны повлияли разные цивилизационные подходы к дальнейшему развитию России; какую роль сыграл социальный расизм влиятельной части российской элиты; была ли эта война исключительно классовою и революционной или носила еще и национально-освободительный характер?

Эти и другие важные «срезы» Гражданской войны рассматриваются С.Г. Кара-Мурзой вне рамок «красной» или «белой» идеологии; для автора важны объективные выводы, имеющие значение не только для истории, но и для будущего России.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)**

ISBN 978-5-4438-0731-7

© **Кара-Мурза С. Г., 2014**
© **ООО «Издательство «Алгоритм», 2014**

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшим испытанием XX века, когда наш народ был снова, как и после Февраля 1917 г., поставлен перед выбором, стали *Гражданская война и иностранная интервенция 1918—1921 гг.*

Война — самое крайнее, острое выражение политики, когда выявляется суть всех институтов государства, политических движений и программ. Война — эксперимент над государством и обществом, открывающий современникам и историкам важное знание. Советское государство прошло через две тотальные войны, когда столкновение с противником было совершенно непримиримым. Первой была Гражданская война 1918—1921 гг., сопряженная с иностранной военной интервенцией. Вторым испытанием было нашествие целой европейской орды, собранной фашистской Германией, на которое СССР ответил Отечественной войной.

Однако наша Гражданская война была неразрывно связана с войной за *независимость* России — войной против интервенции Запада. Роль Запада в порождении Гражданской войны у нынешних поколений как-то недооценивается, а это — важнейший фактор на первом этапе советской истории. В то время роль Запада была всем очевидна. Ленин говорил 2 декабря 1919 г. как о вещи общеизвестной: «Всемирный империализм, который вызвал у нас, в сущности говоря, Гражданскую войну и виновен в ее затягивании...»

(Соч., т. 39, с. 342). Вальтер Шубарт писал в книге «Европа и душа Востока»: «С 1914 года мы вошли в столетие западно-восточной войны». В 1918—1921 гг. Запад вел ее в основном руками российских «белых», а потом руками поляков.

Гражданская война — катастрофа более страшная, чем война с внешним врагом. Она раскалывает народ, семьи и даже саму личность человека, она носит тотальный характер и наносит тяжелые душевные травмы, которые надолго определяют жизнь общества. Поскольку в гражданской войне нет тыла, она разрушает всю ткань хозяйства, все жизнеустройство в целом. В ходе Гражданской войны в России погибло несколько миллионов человек (количественные оценки резко различаются). Подавляющее большинство погибших потеряли жизнь не от «организованного насилия» — на поле боя или от репрессий,— а от голода, болезней и особенно эпидемий (тифа), а также от «молекулярных», местных конфликтов, не связанных с целями воюющих сторон.

Гражданская война самым страшным образом повлияла на весь дальнейший ход событий нашей истории. Она довершила разрушение хозяйства, подорванного мировой войной, и отбросила страну в состояние крайней материальной скудости, повлиявшей на все стороны жизни и мышление. Форсированное промышленное развитие («за десять лет то, что другие страны сделали за сто лет»), необходимое для выживания в войне, привело, образно говоря, к переутомлению народа, которое сказывается и сейчас.

Эта война привела к истреблению большей части самых энергичных, активных и образованных людей с обеих сторон баррикады и надолго определила страшный кадровый голод. Это привело, среди прочего, к ужесточению и упрощению системы управления всеми общественными процессами (как говорили, к «бюрократизации», хотя это слово надо понимать как метафору, речь шла именно об

упрощении и огрублении, к замене знаний и навыков простыми инструкциями и запретами). Перевод в 1918 г. всей жизни советского общества на военные рельсы придал ей черты «казарменного» уклада и привел к крайнему огосударствлению, из которого оказалось невозможно выйти за срок, отпущенный историей до новой войны. Это убило значительную часть творчества масс, прежде всего те структуры самоуправления трудящихся, в которых мог раскрыться огромный потенциал российской общинной культуры. Из Гражданской войны выросли жесткость, суровость и склонность к грубому разрешению противоречий, которые очень дорого обошлись нам и продолжают дорого обходиться и сегодня.

Эта книжка — не рассказ о ходе Гражданской войны, о боях, бедствиях и преступлениях. Это — размышления о тех противоречиях, которые в ходе этой войны решались, о причинах, приведших к катастрофе братоубийства, и о смысле того выбора, который и предопределил исход войны. Писать об этом приходится потому, что, как показал опыт последних пятнадцати лет, мы в целом не поняли ни этих причин, ни этого выбора. Официальная советская история как будто «берегла» нас от тяжелых размышлений и кормила упрощенными, успокаивающими мифами. И мы не вынесли из той войны исторического урока, который она в себе заключала, — и остались сегодня у разбитого корыта. Необходимость раскопок видна уже из того, с каким лихорадочным старанием знание о Гражданской войне забрасывают сегодня грязью антисоветских мифов.

Наш народ прижимают в угол, речь уже идет о гибели или спасении. Все зависит от того, как быстро мы сможем восстановить трезвое мышление и определить, хотя бы грубо, то направление, по которому надо выбираться из ямы. Исторические уроки тут не решают всего дела, но они очень помогают решению. Гражданская война — один из самых дорогих уроков, и он не должен пропасть.

В этой книжке я выделил бы следующие главные вопросы.

- Гражданская война как «война Февраля с Октябрем» — продолжение военными средствами противостояния между двумя революционными проектами России, означавшими два разных цивилизационных пути.
- «Мирные инициативы» рабоче-крестьянской России после Февраля 1917 г. Почему они были отвергнуты «белой костью»?
- Социальный расизм влиятельной части российской элиты и ответ «низов»; роль культурных факторов в разжигании Гражданской войны.
- Значение революции 1905—1907 гг. как «университета» Гражданской войны.
- Гражданская война и восстановление единства России (СССР).
- Почему Белое движение было обречено.

Таким образом, ограничим вопрос, который будет рассмотрен в книге.

Гражданская война была сложным конфликтом множества сил с разными интересами и идеалами. Мы здесь рассмотрим лишь один конфликт — между *белыми* и *красными*. Участие в Гражданской войне остальных сил лишь слегка затронем. Это, конечно, сильно упрощенный подход, но с него придется начинать, чтобы не запутаться в слишком сложной системе. Выводы будут огрубленными, но, считаю, в первом приближении верными. От каких же важных «срезов» Гражданской войны мы отвлечемся или рассмотрим их в слишком кратком виде?

Прежде всего не будем рассматривать прямую военную интервенцию Запада и Японии. Примем ее как фактор «внешней среды», усугубляющий наш внутренний конфликт.

Сюда же можно отнести интервенцию Польши, которая вызвала крупномасштабную и тяжелую *межгосударственную* войну. Не будем мы останавливаться и на войне Красной Армии с силами антисоветских антироссийских националистических движений, которая происходила практически на всех западных окраинах, на Кавказе и в Средней Азии.

Во-вторых, не будем рассматривать роли исключительно важного, но лежащего вне плоскости войны белых и красных фактора — движения «зеленых». Это, в основном крестьянское, движение определено было *антилиберальным*, то есть несовместимым с программой Белого движения. Но оно находилось и в оппозиции к программе *модернизации*, лежащей в основе советского проекта. Во многом идейными установками «зеленых» были вдохновлены восстания против Советской власти, происходившие на исходе Гражданской войны (в Кронштадте, Сибири, в Тамбовской губернии и др.).

Наконец, отвлечемся от того глубокого, хотя во многом скрытого конфликта, который возник в самом лагере красных и был вызван некоторыми важными несовместимыми представлениями о России (а также о ее месте в мире) у большевиков-«космополитов» и большевиков-«почвенников». Главное, весьма кровопролитное, столкновение между этими течениями произошло позже, в 30-е годы и особенно в 1937—1938 гг.

Вновь подчеркну, что исключение этих важных составляющих Гражданской войны из рассмотрения значительно обедняет и огрубляет картину — но не вносит недопустимых искажений в главные выводы относительно того конфликта, который самым прямым и срочным образом определял путь развития России-СССР в XX веке.

Глава 1

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПУТЬ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Между Февралем и Октябрем 1917 г.: суть выбора и предпосылки войны

Начало марта 1917 г.— праздник революции. Но то, что главный спор — впереди, чувствовалось всеми, кто наблюдал развитие этого спора, начиная с крестьянских восстаний 1902 г. 3 марта 1917 г. Валерий Брюсов написал стихотворение «В мартовские дни». Оно все полно смысла и предчувствий.

Приветствую Свободу!.. Свершился приговор!..
Но знаю, не окончен веков упорный спор,
И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор.

Наше общепринятое представление о гражданских войнах сильно деформировано официальным советским (а теперь и антисоветским) обществоведением. Поэтому мы даже при нынешней крайней нестабильности легко и беззаботно проглатываем совершенно ложные утверждения политиков. Вспомним, например, важное выступление Б.Н.Ельцина по телевидению 14 марта 1991 г. Он сказал тогда: «Не надо опасаться гражданской войны, потому что у нас нет противоречий между социальными слоями». А в ноябре 1993 г., по-

сле кровавых событий 3—4 октября, он же говорит: 6—7 октября в стране должна была начаться гражданская война, и, дескать, лишь при помощи расстрела Дома Советов ее удалось предотвратить. И оба эти ошибочных заявления принимаются значительной частью общества как вполне убедительные.

Говоря об угрозе войны, обычно упирают на чисто *классовые* причины, говорят о войне за *собственность*. На деле классовые интересы — лишь фон. Страшная гражданская война в США — насколько она была классовой? И почему в нашей Гражданской войне офицерство, выходцы из одного и того же класса, разделилось между красными и белыми ровно пополам? Сам вид крови соотечественника становится важнейшим фактором войны, по сравнению с которым часто бледнеет исходная причина. Важно умело разжечь первый очаг пожара. Босния — пример искусственного, почти лабораторного разжигания войны вообще без классовых предпосылок. Думаю, в истории вообще не было гражданских войн, вызванных «противоположными классовыми интересами трудящихся и эксплуататоров». Воюют не из непосредственно понимаемого классового интереса, а «за правду».

Гражданская война в России была порождена не только классовым, но и *цивилизационным* конфликтом — по вопросу о том, как надо жить людям в России, в чем *правда* и *совесть*. В важной работе П.А.Сорокина «Причины войны и условия мира», опубликованной в 1944 г., он пишет:

Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у

революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения[1].

Февральская революция сокрушила одно из главных оснований российской цивилизации — ее государственность, сложившуюся в специфических природных, исторических и культурных условиях России. Тот факт, что Временное правительство, ориентируясь на западную модель либерально-буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России, был очевиден и самим пришедшим к власти либералам. Французский историк Ферро, ссылаясь на признания Керенского, отмечает это *уничтожение российской государственности* как одно из *важнейших явлений* Февральской революции.

Напротив, рабочие организации, тесно связанные с Советами, стремились укрепить *государственные* начала в общественной жизни в самых разных их проявлениях. Меньшевик И.Г.Церетели писал тогда об особом *«государственном инстинкте»* русских рабочих и их *«тяге к организации»*. При этом организационная деятельность рабочих комитетов и Советов определенно создавала модель государственности, альтернативную той, что пыталось строить Временное правительство. Историк Д.О.Чураков пишет:

Революция 1917 г., таким образом, носила не только социальный, но и специфический национальный характер. Но это национальное содержание революции 1917 г. резко контрастировало с приходом на первые роли в обществе либералов-западников. Что это могло означать для страны, в которой национальная специфика имела столь глубокие и прочные корни? Это означало только одно — рождение одного из самых глубоких социаль-

ных конфликтов за всю историю России. И не случайно эта новая власть встречала тем большее сопротивление, чем активнее она пыталась перелицевать «под себя» традиционное российское общество [2, с. 77].

Народ России в разгар войны был расколот примерно пополам (значит, не по классовому признаку). В армии Колчака, например, были воинские части из ижевских и воткинских рабочих — разве они считали, что воюют против рабочего класса? Очень важен для понимания характера конфликта раскол культурного слоя, представленного офицерством старой царской армии. В Красной Армии служили 70—75 тыс. этих офицеров, т.е. 30% всего старого офицерского корпуса России (из них 14 тыс. до этого были в Белой армии). В Белой армии служили около 100 тыс. (40%) офицеров, остальные бывшие офицеры уклонились от участия в военном конфликте.

В Красной Армии было 639 генералов и офицеров Генерального штаба, в Белой — 750. Из 100 командармов, которые были в Красной Армии в 1918—1922 годах, 82 были ранее «царскими» генералами и офицерами. Можно сказать, что цвет российского офицерства разделился между *красными* и *белыми* пополам. При этом офицеры, за редкими исключениями, вовсе не становились на «классовую позицию» большевиков и не вступали в партию. Они выбрали *красных* как выразителей определенного цивилизационного пути, который принципиально расходился с тем, по которому пошли *белые*.

Чистым, почти экспериментальным случаем можно считать политику *меньшевиков*, которые пришли к власти в Грузии. Руководил ими талантливый марксист Жордания, в прошлом член ЦК РСДРП (кстати, как и Сталин, исключенный из духовной семинарии). В отличие от меньшевиков в России, Жордания в Грузии убедил партию не идти на коа-

лицию с буржуазией и взять власть. Сразу была образована Красная гвардия из рабочих, которая разоружила солдатские Советы, которые поддерживали большевиков (в этих Советах русские были в большинстве).

В феврале 1918 г. эта Красная гвардия подавила демонстрацию большевиков в Тифлисе. Само собой, турки пошли в наступление, легко разбили грузин, и тем пришлось призвать на помощь немецкую армию, а потом и британскую. Какова же была внутренняя политика правительства Жордании? Типично *социалистическая*. В Грузии была проведена стремительная аграрная реформа — земля помещиков конфискована без выкупа и продана в кредит крестьянам. Затем национализированы рудники и почти вся промышленность (по найму у частных собственников к 1920 г. в Грузии работало всего 19% занятых). Была введена монополия на внешнюю торговлю.

Таким образом, возникло типично социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции. И это правительство вело войну против большевиков. Как это объясняется? Жордания объяснил это в своей речи 16 января 1920 г.:

Наша дорога ведет к Европе, дорога России — к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока! [3, с. 533]

Дело, конечно, не в речи. Важнее, например, что Жордания, следуя ортодоксальному марксизму, считал крестьянство частью буржуазии, и аграрная реформа свелась к приватизации земли на началах чистого индивидуализма и с сознательным подрывом всяких общинных отношений в деревне.

Другим примером может служить Юзеф Пилсудский, ставший диктатором Польши и начавший, под давлением Антанты, войну против Советской России в 1920 г. Он был революционером и социалистом, поклонником Ф.Энгельса, руководителем Польской социалистической партии. Но главным пунктом в его политической программе была «глубокая ненависть к России». Он был сослан по тому же делу о подготовке покушения, по которому был казнен брат Ленина Александр Ульянов. Находясь в ссылке в Сибири, он, по его признанию, «вылечился от остатков тогдашнего русского влияния, очистился для западноевропейского влияния». В 1895 г. он написал брошюру «Россия», в которой говорит почти дословно то же самое, что говорили наши демократы спустя сто лет, в начале 90-х годов XX века. Даже не верится, как можно с такой точностью повторять старые тезисы.

Кстати, чтобы знали нынешние украинские патриоты, правовым основанием для войны против РСФСР Пилсудский считал подписанный 21 апреля 1920 г. тайный договор с С.Петлюрой, которого сегодня так чтят наши украинские друзья. Петлюра был интернирован в Польше и подписал с Пилсудским договор, согласно которому «Украинская Народная республика» уступала Польше Галицию и ряд других областей — до границ 1772 года! За это Польша бралась восстановить власть Директории на Украине. Текст договора можно прочесть в 5-м томе изданных в 1989 г. в Варшаве документов Пилсудского.

Конечно, делая здесь упор на *цивилизационном* характере Гражданской войны в России, мы ни в коем случае не должны забывать назревшего в обществе социального («классового») конфликта — конфликта, связанного с происходившей в России борьбой экономических *формаций*. Вторжение капитализма подорвало старое сословное общество и его государственность. Пафос этого наступления

был воплощен во время Гражданской войны в идеологии белых. Те силы, которые не принимали капитализма, но чувствовали необходимость модернизации, шли за красными. Выход из исторического тупика, в который зашла Россия в формационном конфликте начала XX века, эти силы видели в установлении социалистического советского строя — новой, но не капиталистической формации.

Однако никакого противоречия между цивилизационным и формационным планами в нашем рассмотрении не возникает. Л.А.Гриффен пишет:

Каждый раз становление новой общественно-экономической формации сопровождалось также образованием новой «цивилизации», т.е. «общественно-экономическая формация» Маркса и «цивилизация» Тойнби представляют собой различные стороны одного и того же социального организма, рассматриваемого преимущественно в первом случае в общественно-экономическом, а во втором в политико-культурологическом аспектах [4, с. 284].

Таким образом, советский строй возникал как новая общественно-экономическая формация и в то же время приобретал важные новые цивилизационные черты по сравнению с дореволюционной Россией.

Уникальность русской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться два типа государственности — буржуазная республика и Советская власть. Эти два типа власти были не просто различны по их идеологии, социальным и экономическим устремлениям. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации. То есть, их соединение, их «конвергенция» в ходе государственного строительства были невозможны. Разными были фундаментальные, во многом неосознавае-

мые идеи, на которых происходит становление государства, прежде всего представления о мире и человеке. Кстати сказать, поначалу особых идеологических различий между двумя типами власти и не было видно. Временное правительство не скупилось на «социалистическую» риторику.

Суть Октября как *цивилизационного* выбора отметили многие левые идеологи России и Европы. Лидер эсеров В.М.Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М.И.Либер (Гольдман) видел корни стратегии Ленина в славянофильстве, на Западе сторонники Каутского определили большевизм как «*азиатизацию* Европы». Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто советский проект и представлявшие его большевики были силой Азии, в то время как и либералы-кадеты и даже марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*. Предвосхищая взгляды евразийцев, Н.Бердяев неоднократно и в разных вариациях высказывал, с примесью страха и отвращения, такую мысль: «Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать. Он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма» [5, с. 89].

В этой книжке я буду приводить много выдержек из дневника писателя М.М.Пришвина, вовлеченного в гущу событий в деревне и в столицах¹. Будучи крупным писателем, он был тесно связан с культурной средой, в том числе ее политически активной частью — Горьким, Блоком, Мережковским. С другой стороны, в начале 1917 г. он работал в Министерстве земледелия в отделе, ответственном за снабжение хлебом, и близко наблюдал развитие Февральской револю-

¹ Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917, 1918—1919, 1920—1922. М.: Московский рабочий.

ции. Затем он поехал в деревню как делегат Временного комитета Государственной думы по Орловской губернии, где и провел основное время до Октября и годы Гражданской войны, наблюдая близко развитие взглядов и дела главных социальных действующих сил.

Когда летом 1917 г. начались крестьянские волнения, М.М.Пришвин пронизательно записал в дневнике (5 июля), что либеральная революция потерпела крах, Россия пошла по какому-то совершенно иному пути:

Елецкий погром — это отдаленный раскат грома из Азии, и уже этого удара было довольно, чтобы все новые организации разлетелись, как битые стекла.

Эта свистопляска с побоями — похороны революции.

Дни революции в Петрограде вспоминаются теперь как первые поцелуи единственного, обманувшего в юности счастья.

Еще более определенно оценили цивилизационный смысл Октябрьской революции западные традиционалисты. Вальтер Шубарт в своей известной книге 1938 г. «Европа и душа Востока» пишет:

Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является не поражение Германии, не распад габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... Причем вопрос ставится не в форме «Третий рейх или Третий Интернационал» и не «фашизм или большевизм». Дело идет о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России...

Сегодня Европа чувствует себя под серьезной угрозой русского большевизма. Если бы она пристальнее